

SABETH

*Документальный фильм
о блж. Елизавете Пресвятой Троицы
босой кармелитке из Дижона
Перевод польской версии: Кармель - Караганда*

о.Массимо Мансервиджи (don Massimo Manservigi), Кармель в Дижоне-Флавиньеро, Национальный Кармелитский Центр Призваний (Италия) и МИМЕР-ДОСЕТЕ представляют биографию блаженной Елизаветы Пресвятой Троицы с участием сестёр-кармелиток из Дижона-Флавиньеро, отца Конрада Де Меестера OCD, Барбары Джордано, Жака и Франсуа Шевиньяров, последних живущих племянников блж Елизаветы, детей Гит, и т.д.

Часть I: «SABETH – Страстная девушка»

* ПРЕЛЮДИЯ

«Дорогая Барбара! Твоё письмо наполнило меня радостью. Так значит, ты обручена? Я не знаю Риккардо, но, наверняка, он – прекрасный человек. Это большое счастье, что мы скоро увидимся. Приезжай! Ты можешь остановиться в монастырских комнатах для гостей и подготовиться к свадьбе. Поездка из Италии будет долгой, но тебе будет хорошо у нас на святой горе Флавиньеро (Flavignerot). Ты можешь присоединиться к нам во время тихой молитвы; я также очень хочу, чтобы познакомилась с Елизаветой Пресвятой Троицы. Вот увидишь, как она подготовит тебя к супружеству».

Сестра: – Здравствуй, Барбара! Я так рада видеть тебя! – Я тоже! – Пойдём, дай мне чемодан... Входи, Барбара, ты сможешь провести здесь несколько дней в тишине и спокойствии, познакомиться с Елизаветой Пресвятой Троицы. Она будет тебе большой подругой.

Отец Конрад Де Меестер (Conrad De Meester OCD):– В Кармеле в Дижоне сохранилось много документов из жизни Елизаветы, мы опубликовали их, как «Полное собрание сочинений»: письма, размышления, поэзия, дневник, записки. В настоящее время мы работаем над критической био-

графией Елизаветы. Её литературное наследие велико. Вот первая тетрадь со стихами Елизаветы под названием «Мои первые стихи». Уже в возрасте 14 лет она писала глубокие стихи. Я назвал бы эту тетрадь наиболее личным томом. Она получила её от мамы и записывала в неё свои мысли, записки и поэзию. В ней есть прекрасная молитва: **«Быть невестой Христа – это значит жить «с», всегда «с»»**. Из этой самой тетрадки однажды вечером она вырвала одну страницу, чтобы записать молитву, известную во всём мире: **«О, Боже мой, Пресвятая Троица, Которой поклоняюсь»**. Пожалуйста, можно взглянуть, как точно подходит эта страница к оторванному листу.

Сестра: – Это взгорье полно тишины, оно как бы создано для молитвы. Здесь у нас часовня, здесь – маленький музей, в котором мы храним все памятные вещи от сестры Елизаветы Пресвятой Троицы... А вот здесь – келья сестры Елизаветы, такая, как была в Дижоне (в старом монастыре), она была реконструирована. Все вещи из её кельи, даже двери привезли из её старого монастыря. ... Тут у нас памятные вещи её жизни в Кармеле. Розарий, молитвенник, волосы, подстриженные в день облачения перед получением велона (покрова). У неё были густые, прекрасные волосы. Она очень заботилась о них, почти как ты. Она была красивой девушкой. ... А это её последняя фотография, сделанная за 15 дней до её смерти. На ней видно статую Божьей Матери, ту, которая находится в её келье, „Janua Cœli” – «Врата Небесные». А вот другие фотографии – с её юности и из Кармеля. Это были времена первых фотоаппаратов, здесь мы видим Елизавету в свадебном платье, в день облачения. В то время на облачение надевали белое платье. Это напомнит тебе о твоём, уже близком, замужестве...

Настоятельница: – Нет уже ни одного места, связанного с Елизаветой. Нет уже места, где она родилась. Казармы в городке Авор были уничтожены, нет того дома в Дижоне, в котором она жила; и даже прежний Кармель в Дижоне не существует. Но я задаю себе вопрос: Нет ли здесь более глубокого смысла, символического значения? Елизавета не может быть заперта в 4-х стенах. Память о ней не материальна, – она сама и её послание должны жить в нашей общине.

(Рекреация) Можно сказать, что Елизавета, в некотором смысле, всё ещё духовно живёт среди нас, присутствует даже больше, чем просто места и вещи.

*** ГЛАВА 1: «Я БЫЛА ВСЕГО ЛИШЬ РЕБЁНКОМ»**

Сестра: – Доброе утро, Барбара! Ты хорошо спала? – Да, очень хорошо! – Как я и обещала, принесла тебе альбом с фотографиями Елизаветы, чтобы немного рассказать о её жизни. Это очень старинные фотографии... Как ты знаешь, Елизавета – Элизабет Катэ (Elisabeth Catez) родилась 18 июля 1880 года в военной базе, в гарнизоне в городке Авор (Avor), недалеко от Бурже (Burgues). Её отец, Жозе Катэ (Jose Catez), родом из Эр-сюр-ля-Ли (Air-sur-la-Lys), – Северная Франция – поступил на военную службу в возрасте 21 года. Мать Елизаветы, Мари Роллан (Marie Rolland), родилась в Лотарингии, а её отец, тоже военный, был родом из Южной Франции. А стало быть, соединение разных горизонтов, кругозоров севера и тёплого юга. Элизабет, дочка капитана, обладает горячим темпераментом, характером, полным упрямства.

В 1881 году семья переезжает в Оксонн (Auxonne) – в Бургундии, – а год спустя, в Дижон. Здесь в 1883 году рождается единственная сестра Элизабет, Маргарита (Маргерит – Marguerite), для друзей – Гит (Guite). Две девочки – совсем разные. Элизабет – холерическая и властная, Гит – кроткая, спокойная и серьёзная. Два маленьких неразлучных создания, два противоположных темперамента, два открытых и щедрых сердца. ... В возрасте семи лет Элизабет лишилась любимого отца, который умер от болезни сердца. Мадам Катэ, нежная и чуткая жена, должна сама взять ответственность за воспитание и образование дочерей.

Отец Конрад Де Меестер: – У Элизабет был горячий, холерический темперамент. Есть много смешных историй, анекдотов, рассказывающих об этой характерной черте её личности. Она была настоящим вулканом, вулканом, который с трудом сдерживает лаву, кипящую в его центре.

Видя агрессивные реакции Элизабет, её мать расстраивалась, была почти в отчаянии. Она пыталась немного укротить, успокоить дочку, например, отказываясь поцеловать её на ночь перед сном, что было для Элизабет огромным наказанием, поскольку она очень любила мать. Итак, девочка была очень вспыльчива, несдержанна. Поэтому как-то однажды мама сказала ей: – Мало вероятно, что ты сможешь приступить к Первому Причастию.

С этого момента Элизабет начинает владеть собой. Ради Иисуса она сдерживает приступы гнева, когда они в ней возникают. Надо сказать, что Элизабет обладает, по моему мнению, характерным и фундаментальным даром – честность в поступках, искренность, жажда правды. Как только она осознаёт, что её поведение огорчает других, доставляет им неприят-

ность, то сразу же делает всё, что только возможно, чтобы исправиться, чтобы жить в истине и любви.

* ГЛАВА 2: «Я НЕ ГОЛОДНА, ИИСУС НАСЫТИЛ МЕНЯ»

Сестра: – Обрати внимание на её необыкновенные глаза. Здесь ей два года. Здесь она со своей куклой Жанетт. Однажды эту куклу взяли и положили в рождественские ясли в церкви, чтобы она изображала Младенца Иисуса. Когда Сабет увидела куклу в церкви, то начала кричать во весь голос: – Ах ты, нехороший настоятель, отдай мне мою Жанеттку! ... Тут она уже немного постарше, ей семь лет, вместе с Гит. Мы живём в любви Бога, и там я встречала обеих сестёр, чтобы углубиться в их единство...

Отец Конрад Де Меестер: – Много раз, ещё перед тем, как впервые принять Святое Причастие, в Элизабет проявляется нечто таинственное. Часто и неожиданно она чувствует себя охваченной любовью, которая происходит не от неё, которая является даром. Это словно чьё-то таинственное и неожиданное присутствие. Элизабет думает: **«Это небо разговаривает, объясняется со мною, это Бог, это Иисус»**. Позже мать-настоятельница Кармеля в Дижоне скажет, что её индивидуальность, столь духовная и мистическая, не могла быть сформирована человеком. Никто её этому не учил – ни чтение книг, ни конференции, ни реколлекции. Единственным духовным Наставником Элизабет был сам Дух Святой. Итак, мы видим, что благодать уже коснулась Элизабет, когда она была ребёнком, что в ней уже обитает Бог, что она всем сердцем жаждет подготовиться к Первому Святому Причастию, к тому, чтобы принять Иисуса в своё сердце в первый раз. ...

Церковь Святого Михаила в Дижоне (St. Michel à Dijon)

На катехезы, подготавливающие к Первому Причастию, Элизабет ходит в церковь Святого Михаила. Именно здесь она столкнулась с исключительным наказанием. Одна из подруг рассказала, что Элизабет и её сестра не были внимательны на уроках религии. И тогда викарий из церкви Святого Михаила повелел девочкам в наказание встать на колени посреди церкви; а мадам Катэ послала девочек, чтобы они попросили прощения у духовного отца. С седьмого года жизни Элизабет предчувствовала, что станет сестрой-монахиней. Отец-каноник Англе (Angles), друг семьи, проживавший в Сент-Илер (Saint-Hilaire), рассказывает, как однажды ве-

чером девочки Гит и Элизабет играли, а после игры уставшая Элизабет взобралась ему на колени и шепнула ему на ухо:

– Преподобный отче-каноник, я буду монахиней, я хочу стать монахиней.– Мать, бывшая недалеко, услышала эти слова дочери и крикнула: – Что ты там рассказываешь, маленькая проказница?

Отец Конрад Де Меестер: – Элизабет 10 лет и 9 месяцев, она уже не такой ребёнок. Она – чрезвычайно зрелая, умная, и в ней уже обитает Бог. Эта первая евхаристическая встреча с Иисусом оказала на неё глубокое воздействие. Свидетели рассказывают, что всю Святую Мессу слёзы радости стекали по лицу Элизабет. После принятия Иисуса Христа и благодарения, выходя из церкви Святого Михаила, она со слезами призналась своей подруге, Мари Луиз Алло (Marie Luise Hallo):

– **Я не голодна, Иисус насытил меня.** В то время перед Святым Причастием постились от полуночи. Дети утром ничего не ели, поэтому были голодные. Но Элизабет земной стол, праздничный стол с обедом оказался излишним. Так следует понимать эти слова: **«Я не голодна, Иисус насытил меня».**

После смерти отца семья вновь переехала на улицу Приер де ля Кот-д`Ор (Prieur-de-la-Côte-d`Or), недалеко от Кармеля на Бульваре Карно (Boulevard Carnot). Вечером, в день Первого Причастия, Элизабет в её прекрасном белом платье с Причастия привели в Кармель. Мать Мария Иисуса (Marie de Jesùs) объясняет ей, что имя «Элизабет (Елизавета)» означает «дом Божий». На девочку это произвело огромное впечатление. ... (Образок св. Терезы Авильской) Она очень хорошо ощущала, особенно в это утро, 19 апреля 1891 года, что Бог обитает в ней.

С этого дня закончились все вспышки злости. Элизабет ещё борется, но растёт, учась любить и чувствуя, что любима.

Сестра: – Взгляни, сколько кротости теперь в её взгляде. ...Её сестра Гит потом рассказывала, что когда ей было 17 или 18 лет, она неосторожным движением пролила на платье чернила из чернильницы. Мать ударила её по лицу. Сабет не отреагировала и осталась спокойна. Она была так спокойна, что однажды мать сказала ей: – Ну, разозлились же, наконец, а то твоё спокойствие выводит меня из себя!

* ГЛАВА 3: «МЫ ХОДИМ НА ПРЕКРАСНЫЕ ПРОГУЛКИ, ... А ПОТОМ Я ИГРАЮ...»

Когда Элизабет было 8 лет, мадам Катэ, которая играла на фортепиано, записывает дочку в консерваторию. Музыка стала для Элизабет самым главным занятием, время на учёбу большей частью посвящено игре на фортепиано. Дома учительница даёт девочкам только основы теории, хотя и они сокращены в пользу сольфеджио, гамм, гармонии. Как минимум по 4-5 часов игры в день, иногда даже 5 или 6. Она никогда не выучилась хорошо орфографии. Её исключительная способность духовного слушания и восхищение прекрасным, безусловно, родились во время долгих часов, проведённых за игрой на фортепиано, в обществе Шопена, Шумана, Листа.

Ей нет ещё и девяти лет, когда она получает наивысшую награду по сольфеджио в консерватории, а в возрасте тринадцати лет завоёвывает первое место за игру на фортепиано – 25 июля 1893 года. Она также была выбрана для того, чтобы сыграть перед Габриелем Фурэном, который приехал в консерваторию в качестве инспектора. В местных газетах пишут о Элизабет, предсказывая ей великую карьеру, но Кто-то свыше влечёт её...

В Дижоне много друзей навещает семью Катэ, очень открытую и тёплую. Все вместе идут к замку Жемо (Gemeaux), играют в бесконечные палочки и крокет. Ходят на долгие прогулки и слушают музыку. Мама Элизабет обожает путешествия, и поэтому каждое лето семья выезжает в Юрские горы или в Лотарингию, а также на юг близ Каркассона. Они также ездят в Швейцарию, Альпы, Лурд и Пиренеи. С 14 до 20 лет своей жизни Элизабет проехала на поезде 8000 км – для того времени это очень много. Взгляд Элизабет насыщается прекрасными пейзажами, а её сердце открывается для дружбы. Элизабет удивительно человечна, она умеет приспособиться ко всему и ко всем. Молится, но также и танцует. Мари Луиз Морель (Marie Luise Maurelle), которая встретила её на юге, свидетельствует: «Она прекрасно танцевала! Она была девушкой, у которой ритм был в крови. Была музыкантом во всём своём бытии. Артистка». Мадам де Сурдон (de Sourdon), подруга матери, попросила Элизабет, чтобы она научила двоих её дочерей – Мари Луиз (Marie Luise) и Франсуаз (Fransoise), которую Элизабет называет ласково «Фромбуаз» (Framboise) – «Малина».

Сабет с радостью присоединялась к танцам вместе с Гит и часто садилась за фортепиано, побуждая всех к танцу своей игрой.

*** ГЛАВА 4: «... КАК ЕДИНСТВЕННЫЙ ЖЕНИХ ...»**

Но внутри себя она слышит другую музыку. Это музыка песни Иисуса в её сердце, которую она слушает всем сердцем. Нельзя говорить о Элизабет, не говоря о Христе. Тому, кто смотрит на неё, она кажется как бы очарованной, замороженной. Когда она погружается в молитву, её сосредоточенность охватывает и её друзей. Это не то состояние, которое изолирует от других – напротив, это нечто такое, что погружает в молитву тех, кто за ней наблюдает.

Сестра: – Взгляни на эту фотографию, здесь ей около 14 лет. Однажды утром, на Святой Мессе, после Причастия, она получила огромную благодать. Особенным образом она почувствовала себя охваченной присутствием Бога, Который любит её бесконечной любовью. Без промедления она решает полностью отдать себя Иисусу, принеся обет чистоты. Как она позднее потом скажет, Бог зовёт её, а она отвечает Ему всем сердцем. Она ещё молода, ей всего 14 лет.

С этого момента Элизабет начинает писать короткие стихи, которые очень хорошо отражают пылкость, жар её сердца.

«Иисусе, моя душа ревнует о Тебе, я хочу скорее стать Твоей невестой, вместе с Тобой хочу страдать и умереть, чтобы обрести Тебя»

Немного позже, тоже после Святого Причастия, она неожиданно слышит внутренний голос, который определяет всё её будущее: **Кармель...**

Отец Конрад Де Меестер: – С этого момента Элизабет уже полностью предана Богу и горячо желает поступить в Кармель. И тогда начинается настоящая драма... Мадам Катэ воспротивилась призванию дочери и запрещает ей любые контакты с Кармелем. Сердце Элизабет раздвоено, разорвано: Иисус призывает её, она любит Его со всей страстью, хочет ответить Ему, а мама, которую она нежно любит, говорит «нет». Когда мы смотрим на фотографии мадам Катэ в тот период, она предстаёт перед нами суровой, постаревшей и печальной. Она уже много выстрадала...

На этом фото она – счастливая, очаровательная девушка 24 лет, обрученная с молодым солдатом, который погиб во время войны в 1870 году. (Фото с родителями) Позже её укусила змея, и у неё навсегда остался нездоровый цвет лица. В 1875 году, в 29 лет, она часто читала св. Терезу Авильскую, у неё есть её собрания сочинений, откуда она часто выписывает длинные фрагменты. Можно было бы задуматься над тем, не привлекала ли её тогда монашеская жизнь? В возрасте 33 лет она вышла замуж за Жозе Катэ (Jose Catez), которому было 47 лет. Он умер 9 лет спустя, на 56 году жизни. С тех пор все свои чувства и все свои надежды мадам Катэ возложила на свою старшую дочь. И именно она, мать, мадам Катэ,

сама того не желая, «заразила» свою дочь Элизабет любовью к Кармелю и помогла ей полюбить Божью Матерь, отдав дочери свои маленькие тетрадки с записями. Последняя страница, написанная матерью – это описание отъезда святой Терезы в Кармель. Ирония судьбы: Элизабет пойдёт по её стопам, последует её примеру...

*** ГЛАВА 5: «... ТОЛЬКО БЫ Я ОСВЯТИЛАСЬ В МИРУ...»**

Отец Конрад Де Меестер: – Между 16-ым и 17-ым годами жизни в Элизабет чувствуется нечто вроде тоски, ностальгии. Это заметно в её поэзии, она мечтает о том, чтобы быть однажды «там», в Кармеле, чтобы оставить этот мир и любить Иисуса всем сердцем «завтра». В этот момент мы становимся свидетелями серьёзной перемены. В возрасте 17 лет Элизабет понимает, что любовь к Богу, всецелая преданность Ему, состоит не в том, чтобы любить Его «там» и «завтра», а чтобы любить Его «здесь» и «сейчас». Это конкретная воля, конкретное желание Иисуса «сегодня». Мама по-прежнему против, даже более того – существует угроза, что Элизабет будет вынуждена остаться дома до конца жизни, так как здоровье мамы не очень хорошее. В какой-то момент она была серьёзно больна. В те времена было обычным явлением то, что старшая дочь оставалась в семье, чтобы заботиться о матери. А значит, существует большая вероятность того, что Элизабет должна будет навсегда остаться дома, отказавшись от мечты о Кармеле. Это было весьма болезненно для неё, но ей удалось примириться с этим. Если действительно такова воля Божия, то надо её исполнять. Ей 17 лет, может быть, 17 с половиной, но она уже принимает конкретную волю Иисуса, какой бы она ни была...

«Твоими святыми и чистыми огнями, о, Дух Святой, благоволи возжечь мою душу, сожги её Твоей божественной любовью. О, Дух Святой, Ты, к Которому взываю каждый день, Дух Божий, сияющий Свет, наполняющий меня Своими милостями, переполняющий меня Своею сладостью, сожги, поглоти меня всю целиком! ... О, Дух Святой, Доброта, величайшая Красота, о, Ты, Которому поклоняюсь, о, Ты, Которого люблю! Поглоти Твоими божественными лучами также и сию плоть мою, сие сердце и сию душу, сию невесту Пресвятой Троицы, которая не дышит ничем иным, как только Твоей волей.»
(из стихотворения, написанного в день Сошествия Святого Духа в 1898 г.)

Таким образом, Элизабет подчиняется воле Божией. Это поведение типично для её эпохи. Когда она поступит в Кармель, то услышит вопрос: – Какое новое имя ты хотела бы получить? – И она ответила: – **Моё новое имя будет – «воля Божия».** Те, кто знаком с Элизабет, знают, что позже она выберет духовное имя – «**похвала славы**» („*laudem gloriae*”), конечно, не отказываясь от первого. Её полное имя: «**Воля Божия – похвала славы**».

«В каждый праздник Богородицы я обновляю своё посвящение сей доброй Матери. Поэтому и сегодня я вновь отдала себя Ей и бросилась в Её объятия. С величайшим доверием я препоручила Ей моё будущее, моё призвание. Ах, если Иисус ещё не хочет, чтобы я была так близко с Ним (в Кармеле), да будет воля Его. Пусть Он освящает меня в миру, лишь бы не запретил мне приходить к Нему; лишь бы меня не занимали земные мелочи, лишь бы я не привязывалась к ним. Я – невеста Иисуса. Мы так глубоко соединены друг с другом, что ничто не в состоянии нас разлучить...»

*** ГЛАВА 6: «Я ДОЛЖНА УЙТИ ...»**

Когда Элизабет было почти 19 лет, в Дижоне были объявлены большие народные миссии. Сабет с большим увлечением участвует в них. У неё сильная жажда узнать Иисуса, способствовать тому, чтобы Его любили во всём мире. Она использует эту возможность также для того, чтобы поговорить о своём призвании с одним из проповедников, отцом Гийомом (Guillaume?). Спустя некоторое время, этот отец идёт с визитом к мадам Катэ, которая, наконец-то соглашается на поступление дочери в Кармель, но через два года, когда Элизабет исполнится 21 год. Время, конечно, долгое, но Сабет счастлива и полна надежд.

Но тут через 5 дней как гром среди ясного неба. Мать возвращается домой взволнованной, – ей сказали об одном предложении замужества Сабет. – Это – прекрасная партия, которой ты уже больше никогда не встретишь, – говорит она Сабет. – Подумай об этом ещё раз. – Но Сабет не о чём больше раздумывать, она прекрасно знает, Кому отдала своё сердце. Она идёт наверх, в свою комнату, (а это была Страстная Пятница, 31 марта 1899 года), и с пылкостью пишет стихи:

К подножию Твоего Креста, о, мой Возлюбленный, о, Иисусе, моя Распятая Любовь, я прихожу вновь просить Тебя, чтобы Ты забрал моё сердце и никогда больше мне его не отдавал! Божественный Спа-

ситель, Небесный Жених, я отрекаюсь от всякого счастья на этой земле, от всяких уз, чтобы полностью принадлежать только Тебе. Я хочу быть Твоей безраздельно, чтобы всё больше любить Тебя и чтобы ответить на Твою любовь. Я отдаюсь Тебе навсегда, о, мой Возлюбленный, моё величайшее Благо! Только Ты один знаешь, как я люблю Тебя!»

В течение этих двух долгих лет ожидания поступления в Кармель, Элизабет продолжает путешествовать, играть на фортепиано, она всегда окружена многими друзьями. Она также катехизирует детей, которые готовятся к принятию Первого Причастия, и ведёт группу девочек, дочерей работников табачной фабрики в Дижоне. Для этой группы она придумала название, наверняка единственное в христианской духовности – Матери Божьей Табачной. Элизабет сосредоточена, но также и очень живая, с чувством юмора с хорошим настроением. Она – вдохновительница различных игр. «Вечерами, во время балов, – как рассказывала Мари Луиз Алло (Marie Luise Hallo), – я и Гит всегда пропускаем её первой войти в гостиную, потому что она не стесняется». Она очень тепла и нежна к тем, кто её окружает. В письмах к учительнице она посылает ей «миллионы поцелуев», а Мари Луиз Морель (Marie Luise Maurelle) – «дождь поцелуев», заверяя её, что ничто не сможет разлучить их, поскольку молитва – это связь душ. В Иисусе живёт каждая дружба Элизабет, каждая её встреча.

Отец Марсель Бурлан, настоятель церкви Святого Михаила в Дижоне (curè de St. Michel à Dijon):

– Я – настоятель прихода Святого Михаила в Дижоне, прихода Элизабет. Когда её семья вернулась в Дижон, то сначала она жила на улице Ламартен (Lamartine), а потом – на улице Приер де ля Кот-д`Ор (Prieur-de-la-Côte-d`Or). Элизабет много молилась в приходской церкви, особенно во время адорации перед пресвятыми Дарами. Она сама рассказывает о том, когда пишет об этом в одном из своих писем, что однажды даже не знала, что выбрать. Она была приглашена на вечер, чтобы играть на фортепиано для молодёжи на танцах, а в это же самое время была адорация. И поскольку она часто спрашивала Иисуса, что сделать, как поступить, то спросила и в этот раз. А Он ей ответил: – **Иди на приём, потому что Я всегда присутствую в тебе и буду тоже на вечере, а на адорации будет достаточно много прихожан.** – Этот случай я часто рассказываю молодым!

Элизабет притягивает всех. Многие парни восхищаются ей и питают надежды. Не один раз просили ей руки, но она всегда отвечает: – **Нет, я не свободна. Иисус – мой Господь, Ему я принадлежу полностью. Он является Красотой и Радостью моей души.**

Элизабет также начинает посещать Кармель, где встречается в приёмной с матерью-настоятельницей. И именно там она знакомится с только что выданной книгой «История одной души» святой Терезы Младенца Иисуса, умершей в ореоле святости всего лишь 2 года назад. У Элизабет в руках первое издание «Истории одной души», которая её целиком захватила. По крайней мере, три раза она переписала «Акт принесения себя в жертву Милосердной Любви». С этого момента Элизабет многократно обращается к произведениям и духовности маленькой Терезы. ... (Фото с Гит) Здесь Элизабет 21 год, и, в конце концов, она может осуществить свою мечту о поступлении в Кармель.

Последние месяцы, последние дни и даже последняя ночь были очень мучительны. В эту ночь Элизабет долго разговаривала с мамой, которая ещё пыталась повлиять на решение дочери. Но ответ Элизабет был решителен: – **Я не могу, мама, Иисус ждёт меня.**

Часть II: «SABETH – Кармелитка»

*** ГЛАВА 1: «ОНИ ДОЛЖНЫ ЛЮБИТЬ МЕНЯ, ВЕДЬ Я ИХ ТАК СИЛЬНО ЛЮБЛЮ!»**

Настоятельница Кармеля в Дижоне: – В нашей общине сейчас 17 сестёр, в возрасте от 25 до 94 лет. Самая старшая сестра хорошо помнит сестёр современниц блаженной Елизаветы. Самая младшая из нас скоро принесёт свои обеты. Некоторым сёстрам по 30, 40 или 60 лет, нескольким сёстрам исполнилось уже 80 лет от роду. Община очень разнородна по возрасту, сёстры также происходят из разных мест. У нас есть сёстры с высшим инженерным образованием, некоторые имеют литературное (филологическое) образование, некоторые из сестёр – настоящие художницы. У сестёр различное образование и воспитание, но все мы живём одним семейным духом, дружбой и простотой. Мы все очень любим Елизавету, её присутствие усиливает в нас горячую жажду присутствия Бога, испытываемого в сияющем лучезарном человечестве, а потом – в восхищении красотой, в музыке. Многие сёстры играют на музыкальных

инструментах. Одна играет на органе, другая – на скрипке, ещё одна – на альте, другая – на флейте; две сестры играют на гитаре. Когда мы играем все вместе, то представляем собой довольно весёлый оркестр с очень требовательным дирижёром. В нашей общине дышится атмосферой радости и, вместе с тем, жаждой созерцания.

Послушница (самая младшая сестра): – Для меня Елизавета является реальным присутствием, настоящей подругой. Потому что когда она спрашивает: «Неужели мы никогда не поймём, как сильно мы любимы», то у меня на самом деле такое впечатление, что она берёт нас за руки и ставит перед самым смыслом существования – пред Иисусом. «Поймите же, что вы любимы!» И тогда всё становится на свои места. Наши маленькие проблемы и заботы. Самое главное – это знать, что мы любимы.

Привратница: – Я – привратница. Многие паломники говорят мне, что чувствуют присутствие Елизаветы в тишине, в этой исключительной тишине, которая царит в общине. Можно сказать, что Елизавета – это святая тишины, адорации.

Сестра: – То, что меня больше всего тронуло – это её образ жизни «с», жизни с Богом, как с другом. Я записала в своей тетради все её цитаты, в которых Елизавета использует слово «с». Она очень часто пишет «*жить с...*», но также пишет и «*страдать с...*», «*работать с...*», «*молиться с...*». Я нашла довольно значительное число таких цитат. Я часто прошу Елизавету, чтобы она и меня научила жить в такой близости с Ним

Сестра: – Присутствие Елизаветы не является стереотипным, оно реальное и истинное. Оно безгранично открыто для мира. Елизавета присутствует в Южной Америке, в Африке... Благодаря этому, у нас много контактов с границей, со всем миром.

Утром 2 августа 1901 года, в Первую Пятницу месяца, перед Элизабет отворились двери Кармеля...

*** ГЛАВА 2: «МЫ ГЛУБОКО СОЕДИНЕННЫ ДРУГ С ДРУГОМ, НИЧТО НЕ МОЖЕТ НАС РАЗЛУЧИТЬ»**

Первые четыре месяца в Кармеле были временем огромного счастья. Постулантка, в конце концов, обрела то, к чему уже так долго стремилась.

Всё в монастыре восхищало её: два часа адорации, молитва breviария в хоре, её бедная, маленькая келья, скромная еда, стирка сабо – деревянных туфлях в старой прачечной, минуты уединения и тишины, а также радостных и оживлённых рекреаций. Неплохо было бы узнать, что уже в первую неделю с момента поступления Элизабет – Елизаветы Пресвятой Троицы в Кармель, были написаны 4 документа, в которых говорится, что она – святая. Сохранилось письмо одной кармелитки, которая послала несколько фотографий в Кармель в Лизьё, поскольку после публикации «Истории одной души» эти два монастыря остались в близком контакте. На одной из фотографий есть постулантка Елизавета Пресвятой Троицы, она сидит рядом с матерью Германой (Жермен – Germaine de Jésus) и держит в руках «Историю одной души», а автор письма пишет: «Это – постулантка, которая, наверняка, будет святой, потому что у неё уже сейчас есть к этому явная предрасположенность».

8 декабря 1901 года сияющая Елизавета, наконец, получила кармелитский хабит. Это было для неё огромной радостью, она уже так давно хотела надеть это одеяние, которое свидетельствовало бы о том, что она – кармелитка

И, таким образом, она вошла в новициат, который длился около 13 месяцев и оказался весьма трудным. Она должна была привыкнуть к монашескому образу жизни, очень упорядоченному, в одиночестве, в затворе, который она больше уже никогда не покинет. И ей это многого стоило. Особенно большим страданием для Елизаветы было сознание того, что в 150 м от монастыря живёт мама, которая всё ещё не смирилась с уходом дочери и часто плакала. Елизавета писала ей: **«Мама, моё сердце часто истекает кровью, когда я думаю о тебе»**. Кроме того, большим отречением, о котором она никогда не говорит, является невозможность играть на фортепиано. Ей это дорого обошлось. Молитва становится пустой, бесплодной. Елизавета переживает то, что позже назовёт ночью, пустотой, немощью. Она так стремилась в Кармель, а теперь чувствует себя такой жалкой, убогой. Она познаёт мучительность скрупулёзности: – **Достаточно ли я великодушна?**

В своей чрезмерной чувствительности (sensibilité) Елизавета испытывает духовную растерянность, вплоть до самого предела страданий. Мать Германа (Жермен – Germaine de Jésus) – тому свидетельница, полная понимания и мудрости. Закалённая этим испытанием, Елизавета становится более смиренной, более уверенной в вере, она становится настоящей кармелиткой.

* ГЛАВА 3: «МОЁ НЕБО НАЧАЛОСЬ НА ЗЕМЛЕ»

Мама и сестра Гит, регулярно посещающие сестру Елизавету, не замечают её трудностей. Елизавета страдает, но не плачет над собой, не жалеет себя. Она посвятила себя и не отступает. В середине 1902 года, в возрасте 19 лет, Гит обручилась и вскоре вышла замуж за Жоржа Шевиньяра (Georges Chevignard). В этом случае мама не сопротивляется. Елизавета видит Гит в приёмной безмерно счастливой, и это производит на неё такое сильное впечатление, что она начинает глубоко задумываться над тем, какое значение имеет для неё то, что она станет невестой Христовой через монашеские обеты. Она пишет самой себе поразительные слова: **«Невеста – это всё то, что это имя может рассказать о данной и принятой любви, об интимности, о верности, о совершенной преданности. Быть невестой – это значит быть преданной так, как Он предал Себя. Быть невестой – это значит быть всю жизнь сердцем к сердцу. И жить «с», всегда «с». Это значит – устремляться глазами в Его глаза, иметь мысли, поглощённые Им, сердце, всецело отданное, всецело покорённое, как будто оно вышло из себя и перешло в Него. Это значит – иметь душу, исполненную Его души, полную Его молитвы, всё своё бытие – отданное и охваченное»** Это слова 22-х летней девушки, которая много не училась, но была сформирована самим Богом, Его присутствием в Ней. Она пишет всё это в тёмный период своей жизни, она пишет это с волей, с желанием быть верной.

«Ночью, предваряющей этот великий день, когда я в хоре ожидала своего Жениха, я поняла, что моё небо началось на земле. Небо в вере через страдания и принесение себя в жертву Тому, Кого люблю».

11 января 1903 года сестра Елизавета Пресвятой Троицы приносит обеты. Возвращается глубокий мир и спокойствие. Она счастлива, потому что уже не принадлежит самой себе. Она пишет: **«Я так живо ощущаю присутствие Бога в своей душе, что мне достаточно лишь сосредоточиться, чтобы встретить Его внутри себя. И это –единственное моё счастье. Он вложил в моё сердце желание бесконечности и столь огромную жажду любви, что только Он может её утолить».**

Видно, что Елизавета стремится навстречу Иисусу в небе своей души. Это особенная черта её молитвенной жизни – открытие обитания Пресвятой Троицы, присутствия Воскресшего Иисуса, Отца и Святого Духа в её душе, в душе каждого из нас. Её монашеское имя как раз – Елизавета Пресвятой Троицы. Она говорила: – **Когда я получила это имя, я тут же поняла красоту и глубину этого призвания. Вся Божественная Трои-**

ца обитает в нас. Вся та Тайна, Которую мы будем созерцать на небесах. Я – Елизавета Пресвятой Троицы, то есть Елизавета, которая исчезает, теряется, позволяет завладеть собою Трём».

*** ГЛАВА 4: «...LAUDEM GLORIAE – ПОХВАЛА СЛАВЫ...»**

В возрасте 23-х лет кармелитка Елизавета совершила великое открытие, она открыла для себя двух духовных друзей. Первый – это святой Павел, второй – святой Иоанн Креста. Она очарована святым Павлом, который описывает идеал каждого христианина: **«и уже не я живу, но живёт во мне Христос»** (Гал 2, 20). Любимый фрагмент Елизаветы – это послание к Галатам, в котором Апостол говорит: **«а что ныне живу по плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».** (Гал 2, 20). Она быстро открывает, какую суть, весьма личную, содержит фрагмент пролога послания святого апостола Павла к Ефессянам, в котором он описывает призвание всех христиан. Он обращается к верным в Ефесе – то есть ко всем, говоря, что Отец возлюбил нас **«прежде создания мира»**, **«чтобы мы жили ... в любви»** Иисуса, и что наша жизнь должна быть **«в похвалу славы»** Бога. (ср. Еф 1, 3-14) Этот прекрасный текст станет итогом всей жизни Елизаветы всей её духовной жажды.

«Похвала славы» („laudem gloriae”) – это имя, которое Елизавета примет в последние два года своей жизни, имя, выражающее её призвание, её миссию – быть похвалой славы Бога, прославлением Его величия. Призвание в гармонии с её сердцем артистки, музыканта, с сердцем, восприимчивым и к прекрасному, чувствующим красоту. Но это призвание ведёт её к забвению себя самой, чтобы всматриваться только в Бога, .петь Ему также в страданиях, из абсолютно бескорыстной любви, любви которая обращает её также к ближним.

«Я хотела бы всегда быть, словно маленький сосуд у Источника, у Родника жизни, чтобы мочь передавать её дальше, позволять изливаться потокам бесконечной любви...»

Второй большой друг, которого она открыла – это святой Иоанн Креста. В своей келье Елизавета держит том, содержащий два его произведения **«Духовную песнь»** и **«Живое пламя любви».** Святой Иоанн Креста пишет духовный **«путеводитель»** – как дойти до мистического преображения во Христа. В тот период своей жизни, когда она вчитывается в святого Павла и святого Иоанна Креста, её жажда глубокого внутреннего соединения

со Христом осуществляется благодаря тому, что она становится как бы «тайнством» для других. Она часто говорит своим подругам, Гит, Антуанетт де Бобе (Antoinette de Bobet) и другим, которые недавно вышли замуж, что и в супружестве они могут быть настоящим Тайнством Бога – через любовь к своему супругу и к своим детям. Она пишет своей сестре Гит прекрасный текст: **«Бог хочет, чтобы Его любили через тебя»**. Это звучит везде, во всех её письмах, даже в коротком письме к Шарлю Алло (Charles Hallo), которое она уже не смогла написать сама, а продиктовала своей настоятельнице. Шарль был братом её лучшей подруги Мари Луиз Алло (Marie Luise Hallo). Это был парень, немного младше Елизаветы, она его очень любила, Шарль тоже её любил. И на смертном одре она пишет своё последнее письмо именно своему «братишке»: **«Мой маленький братец! Прежде чем твоя Элизабет отправится на небеса, она желает ещё раз признаться тебе во всех своих чувствах и в своём стремлении сопровождать тебя день за днём, пока ты не встретишься с нею на небесах. У меня уже нет сил, чтобы диктовать эти последние слова сестры, которая так сильно тебя любит. Когда я буду рядом с Богом, то отдам тебя Ему в молитве. Там мы уже лучше найдём друг друга. Оставляю тебе медальончик от моего розария. Носи его всегда, в память о твоей Элизабет, которая будет ещё больше любить тебя на небесах»**. Видите, умирая, она любит своего маленького брата, а на небесах будет любить его ещё больше. Мы видим Елизавету всегда поглощённой и очарованной Богом, но, вместе с тем, всегда преданной другим, преданной Церкви.

*** ГЛАВА 5: «О, БОЖЕ МОЙ, ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА, КОТОРОЙ ПОКЛОНЯЮСЬ ...»**

Сестра: – Представь себе Елизавету в её маленькой келье, которая так ей дорога, как она выражается: **«Это – наше святилище, только для Него и для меня»**. Это – фотография её кельи в Кармеле на Бульваре Карно (Boulevard Carnot) в Дижоне. А здесь – та же самая келья, но, как ты могла увидеть, входя в наш маленький музей, реконструированная после переезда Кармеля в Флавиньеро (Flavignerot). Для кармелитки и для Елизаветы келья – это, как она любила говорить, **«маленький рай, сокровенное место, где находишься сердцем к сердцу с Богом. Там мы наедине с Господом, чтобы слушать Его, разговаривать с Ним. Ни одна другая сестра туда не входит, только настоятельница»**. Елизавета часто работает в своей келье. Как-то однажды она пишет Гит: **«Я с воодушевлением шью, в то время как моё сердце пребывает с Ним»**. Там, в

келье, в тишине, она любит размышлять над словом Божиим. Там, по вечерам, при свете маленькой масляной лампы, она пишет свои письма, там также сильно страдает, особенно во время своей болезни. Там она переживает бессонные ночи, черпая все свои силы, подолгу всматриваясь с верой в своего Распятого Жениха.

(Сёстры поют песню на стихи молитвы Елизаветы «О, Боже мой, Пресвятая Троица, Которой поклоняюсь...»)

Сестра Елизавета приносит обеты 11 января 1903 года и, наконец, испытывает глубокий мир. Может быть, это самый солнечный период её жизни в Кармеле. Она очень счастлива, обрела своё место в общине. У неё ещё относительно хорошее здоровье и, что самое важное, она часто чувствует присутствие Бога в своём сердце. Она говорит: **«Я так живо ощущаю присутствие Бога в своей душе, что мне достаточно лишь сосредоточиться, чтобы встретить Его внутри себя. И это – единственное моё счастье. Я также с радостью созерцаю Пресвятую Троицу, но, прежде всего, – Иисуса в центре Троицы»**. Проходят месяцы, и мы приближаемся к 1904 году, в котором Елизавета вечером 21 ноября пишет необыкновенную молитву. Она была в своей келье, где писала письма и, время от времени, ту или иную молитву или какое-нибудь духовное откровение. 21 ноября отмечается праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы Марии. Утром, вместе со всей общиной, сестра Елизавета обновила свои монашеские обеты, потому что и она сама, живя в храме монастыря, посвятила свою жизнь Господу, как Мария. Эта молитва – настоящее принесение себя в жертву огню Святого Духа. Итак, во время рекреации, которая длится около часа, Елизавета положила на колени свою письменную доску и на маленьком листке бумаги написала чернилами свою молитву: **«О, Боже мой, Пресвятая Троица, Которой поклоняюсь...»**

Ж.М. † Ж. Т.

О, Боже мой, Пресвятая Троица, Которой поклоняюсь, помоги мне совершенно забыть себя, чтобы я утвердилась в Тебе, непоколебимо и мирно, как если бы душа моя уже пребывала в вечности. Чтобы ничто уже не могло потревожить мир мой, ни заставить покинуть Тебя, о, мой Неизменный, но пусть каждое мгновение уносит меня всё дальше в глубину Твоей Тайны. Умиротвори душу мою, содей в ней небеса Твои, возлюбленную обитель Твою и место отдохновения Твоего. Да не оставлю Тебя там никогда в одиночестве, но да пребуду

там всецело, всецело бодрствуя в вере своей, всецело поклоняясь, всецело преданная Твоему созидающему Действу.

О, мой возлюбленный Христе, распятый из любви, я хотела бы быть невестой Твоего Сердца, хотела бы покрыть Тебя славой, хотела бы возлюбить Тебя, ... даже до смерти от любви! Но я чувствую бессилие своё и прошу Тебя, чтобы Ты «облёк меня Самим Собою», отождествил душу мою со всеми движениями Твоей Души, чтобы Ты затопил меня, охватил меня, занял моё место, так, чтобы жизнь моя была лишь сиянием Твоей жизни. Приди в меня как Поклоняющийся, Восстановитель и Спаситель.

О, вечный Глагол, Слово Бога моего, я хочу провести свою жизнь, внимая Тебе, хочу быть полностью открытой и понятливой, научаясь всему от Тебя. А потом, через все ночи, все пустоты, все немощи, я хочу навсегда запечатлеться в Тебе и пребывать в Твоём великом свете; о, моя возлюбленная Звезда, очаруй меня, чтобы я никогда больше не смогла выйти из ореола сияния Твоего.

О, Огонь поядующий, Дух любви, «сойди на меня», чтобы в душе моей сотворилось нечто подобное воплощению Слова: чтобы я была для Него прибавленным человечеством, в котором Он мог бы обновлять всё Своё Таинство. И Ты, Отче, склонись к Своему бедному маленькому созданию, «укрой его сенью Своей» и благоволи узреть в нём только «Сына Возлюбленного, в Котором Твоё благоволение».

О, мои Трое, моё Всё, моё Блаженство и бесконечное Одиночество, Безграничность, в Которой я теряюсь, предаю себя Вам как добычу. Сокройтесь во мне, дабы я могла сокрыться в Вас, в ожидании созерцания в Вашем свете бездны Вашего величия.

Возвышенная молитва, но зададим себе вопрос: действительно ли в этом заключается молитва Елизаветы, действительно ли это – её самая прекрасная молитва? Нет, самую прекрасную и самую совершенную молитву Елизавета написала не чернилами, а сердцем. В ней она просит о преображении во Христа. Чего же более может желать Елизавета-мистик, живущая созерцанием? Елизавета осмеливается пойти ещё дальше и – ни больше, ни меньше – просит о преображении в Распятого Христа, прежде чем она уподобится Прославленному Христу, на небесах. Она страдала болезнью, которая уничтожала, ведя к смерти. Итак, Елизавета уже вклю-

чена в бытие «похвалы славы» Бога, она хотела быть хостией восхваления славы. Это ясный евхаристический акцент – быть словно Иисус в Евхаристии, в Своей жертве на кресте, быть хостией.

* ГЛАВА 6: «Я ИДУ В СВЕТ, В ЛЮБОВЬ, В ЖИЗНЬ...»

Отец Конрад Де Меестер: – Выражение святого Павла, которым она была более всего очарована, это – «чрезмерная любовь» (в русском переводе Библии: «так возлюбил нас»). Я верю, что это суть духовного опыта Елизаветы, поскольку то, что она испытывает по отношению к Пресвятой Троице, в действительности, очень велико, это – чрезмерная любовь. Этим опытом она делится с молодыми, с теми, которые только что стали мамами, а также со своими замужними подругами. Все призваны к переживанию любви, которая ей кажется как бы чрезмерной, которая превосходит её и питает её воодушевление. Елизавета – это девушка, полная страсти, воодушевления.

В 1905 году здоровье сестры Елизаветы ухудшается, она ослаблена, и настоятельница велит ей больше отдыхать, но это не приносит ей облегчения. Ни исключения из Устава, ни заботливая опека сестёр, ни врачи, говорящие об операции, а потом отказывающиеся от неё, не могут остановить в то время малоизвестную болезнь Аддисона. В марте 1906 года, уже на исходе сил, Елизавета переведена в инфирмерию – больничную келью Кармеля. Ей принесли статую Богородицы, которая постоянно оставалась с нею и которую она назвала „Janua Cœli” – «Врата Небесные». Она просит Марию, чтобы Она научила её страдать так, **как Иисус и с Иисусом**. Как и все тяжелобольные, она испытывает слабость и мучения, но удивляет всю общину необыкновенной силой и радостью в страданиях. Она забывает о себе и благодарит сестёр и друзей, которые стараются доставить ей хоть какое-то облегчение. С глубокой нежностью она оставляет для каждого завещание своего сердца и своей веры. Она думает и о нас. Предчувствует своё будущее влияние, миссию, которую ей доверил Бог по отношению к нам. **«Мне кажется, что на небесах моим призванием будет привлекать души, помогая им выйти из самих себя, чтобы они прильнули к Богу в совсем простом и полном любви жесте, и помогать им оставаться в этом великом внутреннем молчании, которое позволит Богу действовать в них и преобразить их в Себя»**. В День Всех Святых, первого ноября, все сёстры собрались у её изголовья, прося о последнем слове, о прощальном слове напутствия. Елизавета после минутного молчания говорит: **«Всё пройдёт. Под вечер**

жизни останется только любовь. Всё надо делать из любви. Надо не-престанно забывать о себе». В последние дни она уже не может говорить, – язык кажется полностью иссохшим, раскалённым, как огонь. Несмотря на это, можно услышать последние понятные слова, которые она произносит слабым шёпотом: «Я иду в Свет, в Любовь, в Жизнь...» На рассвете 9 ноября 1906 года Бог взял к Себе Свою маленькую «похвалу славы» („*laudem gloriae*”).

Титры: «Это Непорочная Мария дала мне кармелитский хабит и вот, я прошу Её, чтобы Она облекла меня в эти ризы из «чистейшего льна», в которые одевается невеста, идя на брачную вечерю Агнца».

(Барбара Джордано в роли взрослой Элизабет, Аделаид Феррьер в роли маленькой Элизабет за фортепиано. Отец Марсель Бурлан, настоятель церкви Святого Михаила в Дижоне, музыка Роберто Мануцци., использованы музыкальные произведения Шопена, Бетховена, Мендельсона, Листа.)

Часть III: «САВЕТН – сегодня»

*** ГЛАВА 1: «ВСТРЕЧА С ЖАКОМ И ФРАНСУА ШЕВИНЬЯРАМИ, ПОСЛЕДНИМИ ЖИВУЩИМИ ПЛЕМЯННИКАМИ ЕЛИЗАВЕТЫ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ»**

*** ВОСПОМИНАНИЯ О САБЕТ**

Жак Шевиньяр: – Меня зовут Жак Шевиньяр (Jacques Chevignard), я – шестой ребёнок (и второй сын) Гит, родной сестры блаженной Елизаветы Пресвятой Троицы, которую я не знал лично, так как она умерла в 1906 году, в возрасте 26 лет, в то время как я родился 11 лет спустя, в 1917 году. Но я много слышал о ней. Может быть, не столько от нашей мамы, сколько, когда мы ходили посещать нашу сестру в Кармеле в Дижоне или на кладбище. На её могиле всегда было много вотумов с просьбой о молитве, о благодатях и т.д. (Надпись на вотуме «Спасибо»). С тётёй Элизабет мы познакомились, в основном, читая её книги, её произведения. Мы были очень удивлены тем, что становимся важными благодаря ей. Например, я помню, что когда опубликовали полное собрание

её сочинений, кардинал Альбер Декуртрэ (Albert Decourtray) выразил нам своё глубокое уважение, в то время как мы совершенно этого не заслуживали. У нас нет никаких заслуг в том, что мы – её племянники. Такое же неожиданное удивление я почувствовал в Риме, когда Римская Курия пригласила меня на обед после её беатификации. Я сидел за столом рядом с Генеральным Настоятелем доминиканцев и Генеральным Настоятелем иезуитов. Это было такое особенное место. Мне задали тот же вопрос: «Какое впечатление всё это на Вас произвело?» Я ответил: «Я очень счастлив, но я не содействовал тому, что произошло. Безусловно, это было большим благословением, но, повторяю, что я, собственно, ничего и не сделал».

Франсуа Шевиньяр: – Я должен говорить о моей тёте, которой я не знал. Меня зовут Франсуа Шевиньяр (François Chevignard) , я – последний ребёнок (и четвёртый сын) Гит, родился за несколько месяцев до смерти моего отца, в 1925 году. Должен признаться, у меня мало семейных воспоминаний с детства, за исключением посещений кладбища и благословения Пресвятыми Дарами в Кармеле. Мы никогда не ходили на Святую Мессу в Кармель, но всегда каждое воскресенье после обеда мы ходили на благословение Пресвятыми Дарами. Жак только что говорил о вотумах, которые находились на могиле блаженной Елизаветы, занимая почти четверть кладбища, предназначенного для кармелиток. Я помню, как меня очень тронули эти вотумы – на маленьких плоских кусочках дерева, на дощечках от ящиков из-под фруктов и овощей. На них было написано карандашом «Спасибо». Это не были мраморные таблички, их должны были написать действительно совсем простые люди, совсем простые...

* МАМА ГИТ

Жак Шевиньяр: – Наша мать – на самом деле мы осознали это слишком поздно, – была совершенной, исключительной женщиной. Очень кроткой, нежной, не самовластной. Она всё делала из любви, если можно так выразиться. Самое большое наказание, которым она нас наказывала, когда мы были детьми, – это когда она не приходила обнять нас на ночь в кроватках перед сном. Это было большое наказание. В отличие от неё, наш папа, муж Гит, был строгим отцом семейства, но, имея 9 детей, он не мог вести себя иначе. Вот такие у меня воспоминания, которые немного рассказывают о моей семье.

Франсуа Шевиньяр: – Все были восхищены мамой. Я никогда не слышал о ней ни одного плохого слова, никогда. «Она могла распорядиться всем по-другому... Могла вновь выйти замуж... Могла...» Нет. Я думаю, что никто никогда не думал так всерьёз, не верю! Я и не подозревал, что она вела столь интенсивную духовную жизнь, в контакте со своей сестрой. Я бы даже никогда и не предположил подобной связи с братом или сестрой. Это невероятно, как необыкновенны эти письма о духовных вещах, которые они писали друг другу. Они очень расширили мою точку зрения. И вот ещё одно маленькое воспоминание, можно сказать, анекдот. Когда я возвращался домой зимними вечерами, то всегда заставлял маму молящейся розарий. Это было типично. Я находил её сидящей в кресле с розарием в руке, рядом с фигурой „Janua Cœli” («Врата Небесные»), которая стояла на маленьком круглом столике возле креста сестры Елизаветы Пресвятой Троицы, с которым я играл и обращался без всякого почтения, потому что считал, что это – отличный молоток. Когда приходило самое прекрасное время года, мы решительно переселялись, но не в Рим, а в Жерве-Жебертен. Однако перед тем, как отправить фортепиано и остальные вещи ответственному за переезд, мама относила в Кармель фигуру Janua Cœli” и монашеский крест сестры Елизаветы Пресвятой Троицы, которые оставались там, пока мы не возвращались с каникул. Несомненно, это были для неё самые ценные вещи из тех, которые были у нас дома.

Жак Шевиньяр: – Мама была очень сдержанна. Она вела интенсивную духовную жизнь, я в этом уверен, но ни с кем не делилась этим. Она учила не словами, а примером. Всю войну, 5 лет я был в плену в лагере Германии. Она писала мне, но всегда касалась материальных вопросов: «Достаточно ли ты ешь? Посылаю тебе то-то и то-то в этой посылке, найдёшь в середине». Это было всё. Помню, как я вернулся с войны 25 июля 1945 года. Она ждала меня на пороге дома на улице Шёдранри(?). Это был очень волнующий момент. Я вернулся хромота, потому что только что вышел из больницы, и у меня не было много сил. Это были долгие минуты проявления нежности... Достаточная редкость у неё, потому что она не была... не проявляла волнения, ничего не показывала... У меня ещё такое воспоминание с детства о моей маме. Была вечерняя молитва: – Встанем в присутствии Бога и поклонимся Ему. – И мы все становились на колени, вокруг её кровати. Мы считали это совершенно нормальным, потому что мама, как я вспоминал раньше, никогда не учила словами, она учила примером. Никогда ни к чему не принуждала, не заставляла. Что-то должно было само исходить от нас. И к тому же у неё была абсолютно

невероятная вера. Она стала вдовой в возрасте 42 лет, а через несколько лет банк моего отца обанкротился. (Семейное фото) Мы остались с весьма ограниченными средствами к существованию. Даже в такие моменты у неё была вера: «Мой Боже! Ты мне их дал, помоги мне!» Помню, что на следующий день в почтовом ящике один или два раза она находила банкноту в 500 или сколько-то франков – во всяком случае, весьма значительную сумму денег. Мы догадывались, кто это сделал, но не были уверены. Это был некто, кто так много для нас сделал, кто много раз помогал нам, также и с домом. Мы должны были платить квартирную плату, но у нас не было средств. Друг семьи выкупил дом таким образом, чтобы мы могли в нём жить, не платя взносов за аренду. Так же и в этот раз... Вера нашей мамы никогда не проявляла беспокойства. Это была совершенно необъяснимая вера. У неё были свои дети, она делала всё, что нужно делать, а значит, было вполне нормально, что она сама справляется. Мама Гит верила в Божественное Провидение. Материальные вопросы не слишком её интересовали. Я помню, что когда после войны я начал работать, она давала мне 50 франков в месяц, в то время как я зарабатывал 500 франков. Это всего лишь 10 %, но было бы несправедливо, если бы только мои сёстры заботились о ней и о доме. Когда она умерла, сёстры дали мне конверт, в котором были все деньги, которые я дал ей. Написала: «Для Жака»...

*** ГИТ ВХОДИТ В ЖИЗНЬ: «...Я ВОЗВРАЩАЮСЬ, ... САБЕТ...»**

Жак Шевиньяр: – Мама... В то время мы все собрались у неё, и мама сказала: «Теперь я могу уйти. Мне больше нечего делать на этом свете». Она умерла в Нюит-Сен-Жорж (?) Мы были все вокруг неё, кроме Франсуа, который был в поездке, а мама спрашивала слабым голосом: «Есть ли уже Франсуа? Не приехал ли Франсуа?» Франсуа потом приехал, мама смогла ещё увидеть его. Она говорила с тобой в тот момент?

Франсуа Шевиньяр: – Я помню, что скорее, прижал её к себе вместо того, чтобы говорить возвышенные слова. Умерла, но мне кажется, что она явно дожидалась меня.

Жак Шевиньяр: – Она умерла сразу же после этого.

Франсуа Шевиньяр: – Всё это было так необыкновенно. Потому что я не сказал ей, куда еду. Я только что начал свою оживлённую деятельность, и моим братьям пришло в голову позвонить нашим кузенам в Сан-Се, потому что я был в департаменте Лиона. Это был единственный адрес. Когда я приехал в Сан-Се, то сказал себе: «У меня есть целый час свобод-

ный. Зайду-ка их проведать». Захожу к ним в дом, а служанка Луиза сразу же мне говорит: «О, Франсуа! Позвони скорее себе домой!» Я позвонил, и мне сказали: «Ты должен немедленно вернуться».

Жак Шевиньяр: – Как я помню, моя сестра Шанталь (Chantal Chevignard), которая поступила к доминиканкам и служила у них как медсестра, занимающаяся бедными, получила разрешение ухаживать за мамой. Шанталь много занималась мамой. И как-то спросила её: «Мама, ты не боишься?» Мама ответила: «А почему я должна была бы бояться? Ведь я знаю, что возвращаюсь к своему мужу, к вашему брату Ксавье (Xavierre Chevignard), к тётке Элизабет». Потом она принимала нас, одного за другим, чтобы каждому сказать какое-нибудь слово. Мне она сказала: «Есть люди, которые считают, что достаточно обратиться перед смертью. Я говорю: нет, мы будим судимы за всё то, что сделали в течение всей жизни». Это были её последние слова, которые меня сильно взволновали.

*** ГЛАВА 2: «САБЕТ И «ПЕРЕХОД В ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ» (ВЫСКАЗЫВАНИЯ БОГОСЛОВОВ):**

Отец Антонио Мария Сикари (Antonio Maria Sicari OCD):– Тереза из Лизьё и Елизавета Пресвятой Троицы – почти современницы. В 1950-х годах ведущий католический богослов Ханс Урс фон Бальтазар (Hans Urs von Balthasar) посвятил каждой из них богословский труд, а потом объединил их в один прекрасный текст под названием «Сёстры по духу». В этой произведении он говорит, что эти две кармелитки представляют из себя как бы два полушария, которые дают ощущение целостности и красоты кармелитской мистики, лишь будучи соединены вместе. Если это правда, то поразителен тот факт, что Тереза из Лизьё, популярно выражаясь, добилась головокружительного успеха. Она стала самой любимой святой на свете, вплоть до причисления её к сонму Учителей Церкви, в то время как Елизавета Пресвятой Троицы, рассуждая по-человечески, всё время представляется как бы за Терезой, позади неё. Процесс беатификации был трудным, и она осталась только блаженной.

Отец Патрик-Мари Февотт (Patrick-Marie Févotte):– Когда мы приблизимся к Елизавете в перспективе её способа прочтения Святого Писания, образа жизни в чистоте, – это значит: как посвящения себя Богу, так и близости с Богом, единства с Богом, – то увидим, что она жила чрезвычайной полнотой. Это, вне всякого сомнения, её особенная харизма. Исключительная сосредоточенность, её внутренняя жизнь в глубине своей души,

желание быть внутри себя, быть постоянно соединённой с Богом. Можно сравнить каждое её слово с христианской или евангельской традицией и убедиться в том, что Елизавета действительно всегда находится в абсолютном единогласии с нею, в ней есть совершенно ослепительная, блистающая полнота...

Отец Антонио Мария Сикари (Antonio Maria Sicari OCD):– Я верю, что Елизавета Пресвятой Троицы находится *там*, в образе Бога, ожидая Церковь, если так можно выразиться, именно в этом переходе в Третье Тысячелетие, в котором самой серьёзной проблемой будет, несомненно, Лик Бога христиан. Вся проблематика диалога между религиями влечёт за собой проблематику Троицыного Бога. Это как бы основное задание для Елизаветы Пресвятой Троицы. Иоанн Павел II в одном из своих последних документов, постсинодальном апостольском послании «Церковь в Европе» говорит, что для того, чтобы действительно понять Европу, её христианские основы, надо вернуться к догмату о Пресвятой Троице, к концепции Троицыного Бога, Который принёс в мир, в человеческую культуру понятие личности, понятие единства и многообразия, связь между единством и многообразием. Он соделал так, что некоторые понятия, такие как «сыновство», «послушание», «авторитет», «зависимость», которые по-прежнему определяют историю человечества, стали Божиими; что можно быть послушным, зависимым, принадлежащим, быть сыном. И всё это в полном достоинстве. Все эти истины, все эти исключительно прекрасные понятия, которые потом обогатили культуру, сосуществование людей, способность к общности между людьми, между народами, присущи Пресвятой Троице. Можно сказать, что и это понимание Пресвятой Троицы слишком далеко от действительности. Елизавета любила говорить, что в Пресвятой Троице встречаются все человеческие существования, встречаются все вещи, все события, так, как всё происходит и оживотворяется, и обретает свой смысл через Пресвятую Троицу.

Отец Конрад Де Меестер: –Елизавета изначально была вынуждена жить своими идеалами в миру, как светский человек. Мама категорически сопротивлялась призванию дочери и её раннему поступлению в Кармель. Елизавета, в конце концов, приняла её волю: не мечтать, что когда-нибудь в будущем, в ином месте и в иное время, чем то место и настоящее время, в котором она живёт. Не святость *там*» и *завтра*», а святость *здесь*» и *сегодня*». Она приняла бы даже отказ от стремления к Кармелю, если бы такова была воля Божья. И именно в этом проявляется настоящая святость молодой Елизаветы, ей всего лишь 17 лет. И одновременно

она начинает направлять своё созерцание внутрь, в глубину. Уже не в монастыре там» и «завтра», а в небе своей души, в келье своего сердца. Тем самым, она всё глубже входит созерцанием в свою душу, живёт им в миру, путешествуя, танцуя, играя, помогая в приходе вместе со своими подругами и т.д. И концентрируя всю свою духовность на самом главном – на воле Божией, на присутствии Бога в своём сердце, на послании Евангелия. Это очень важно, так как Елизавета действительно является примером святой мирянки. Потом она также получила благодать осуществления своего желания созерцательной жизни - в монастыре, в тишине, во всецелой преданности, в очень трудной и требующей усилий жизни. Я хотел бы также подчеркнуть другой аспект её святости, её послания. Она – святая больная. В возрасте 24 лет она знает, что умирает. Ещё 2 года... Она знает, что идёт навстречу мучительной смерти. Она очень страдала от болезни Аддисона, тогда неизлечимой. У Елизаветы в то время была последняя мечта – прожить эту болезнь в единении с Распятым Христом и в интенции душ, за Церковь. Невероятно, как в этот последний период она переживает свою болезнь со стойкостью и силой, с радостью, с интенсивной любовью. Она также жаждет отправиться на небеса с неустрашимой верой.

Отец Антонио Мария Сикари (Antonio Maria Sicari OCD):– Мы можем слышать много христиан, говорящих о Христе, о проблематике. Мы используем трудные слова: христоцентризм, пантократизм, еkkлезиоцентризм и т.д. Полагаю, что если бы Елизавета Пресвятой Троицы услышала это, наверно, не понимала бы, о чём идёт речь. Скорее всего, она бы отреагировала так: «Это – спор о моём Женихе, а мой Жених – это настоящая Личность, единственная... Возлюбленный мой, по словам «Песни песней», а я – Его невеста». Поэтому я думаю, что нет текста прекраснее того, который мы хотим привести, когда Елизавета пишет: **«Быть невестой – это значит устремляться глазами в Его глаза, иметь мысли, проникнутые Им, сердце, всецело отданное, всецело покорённое, словно оно было вне себя и перешло в Него. Это значит – иметь душу, исполненную Его души, полную Его молитвы, всё своё бытие, проникнутое Им и пожертвованное Ему. Это значит – иметь взор, всегда устремлённый на Него, чтобы уловить малейший знак, малейшее желание; это значит – войти во все Его радости, разделять всю Его грусть, это значит – быть плодотворной, быть соискупительницей, рождать души для благодати».** Если кто-то поймёт христианство на столь высоком мистическом уровне, где самым главным является личность, Личность Иисуса и моя личность, личность верующей души, более

того, в отношениях возлюбленных, Жениха и невесты, тогда, конечно, он поймёт очень возвышенное высказывание II Ватиканского Собора, которое говорит, что высочайший смысл достоинства человека заключается в том, что он призван к соединению с Богом. Что Бог изначально относится к нему почти как к части своей внутренней сущности, сущности любви. Что считает его достойным такого диалога, что обретает его к жизни постоянно и одновременно из Своей внутренней глубины, чтобы мочь быть с ним в контакте и чтобы сущностью человеческой жизни, каждой человеческой жизни, была живая связь с Богом.

Отец Конрад Де Меестер: – Я думаю, Елизавета не могла бы, так сказать, сомневаться, потому что она много раз испытала присутствие Бога, Который живёт в ней. В конце концов, её последние различимые слова – это: «Я иду в Свет, в Любовь, в Жизнь...» Бог есть свет, который сияет во Христе, и Бог есть любовь. Для Елизаветы Бог, возлюбивший её, – это тот же Бог, Который до конца возлюбил нас, используя её собственные слова. Она так явно подчёркивает это. Для неё размышление о Боге любви, о верном Боге, имеет величайшее значение. Бог не любит нас 20, 30 или 60 лет, или даже 110 лет, но Он любит нас всю вечность. После этой жизни, полной любви, Он не выбросит нас на свалку и не скажет: «Теперь уже хватит, пропадите!» Нет! «Ты будешь жить вечно!» Ведь всё-таки последние слова Елизаветы Пресвятой Троицы были «Я иду в Свет, в Любовь, в Жизнь...»

*** ГЛАВА 3: «Режиссёр дон Массимо Мансервиджи рассказывает нам о «САБЕТ»: замысел и впечатления»**

Дон Массимо Мансервиджи (Don Massimo Manservigi) режиссёр фильма: – Рассказ об этом документальном фильме, касающемся необыкновенной личности Елизаветы Пресвятой Троицы, для меня является также удобным случаем, чтобы выразить своё почтение сёстрам в Кармеле в Дижоне, а также тем, кто захотел создать этот фильм. Я постараюсь очень коротко проиллюстрировать переживания этих лет. Уже прошло почти 2 года, как мы работаем над этим фильмом. Первый раз мы поехали в Дижон в 2004 году, где мы разговаривали с кармелитками и сразу же получили согласие на замысел и реализацию. Мы начали с постепенного открывания Елизаветы, мы хотели придать её особенную святость в Церкви, указывая на её актуальность. В особенности, возникла мысль, чтобы обратить внимание зрителей, которые, скорее всего, не будут не-

посредственно интересоваться личностью Елизаветы-монахини, но, наверно, их заинтересует героиня в светском аспекте, или, что ещё лучше, в аспекте открытости для всех форм христианской жизни. Следовательно, мы обращаемся ко всем. Для исполнения роли главной героини фильма мы выбрали девушку, которая готовилась к замужеству. Мы поступили так, чтобы иметь возможность соединить брачный аспект монашеской жизни Елизаветы, а также и светский аспект её жизни с брачным аспектом, по возможности, в самом широком значении. И, стало быть, девушка, которая не собирается стать сестрой-монахиней, которая, разумеется, является католичкой, но которая в действительности немного представляет такую модель личности. Эта личность, приближаясь к Елизавете, может: использовать, хотя бы только путём принятия её ценностей, человечность этой святой. Здесь были использованы узы дружбы между этой девушкой Барбарой и одной из сестёр Кармеля в Дижоне, чтобы показать – также через высказывания отца Конрада Де Меестера, сестёр-кармелиток из Дижона, а также других знающих лиц – необыкновенную и, вместе с тем, простую жизнь Елизаветы Пресвятой Троицы. Фильм разделён на множество небольших картин, небольших частей, согласно хронологической последовательности жизни Елизаветы, которые можно также смотреть по отдельности, как путём выбора главных тем, так и анализируя по ходу действия отдельные элементы. Весь фильм состоит из 2-х больших частей. Первую мы назвали *«Страстная девушка»*, а вторую – *«Кармелитка»*. Мы всегда пользовались абсолютно всем материалом, относящимся к Елизавете. Также и в исторических реконструкциях, особенно тех, что в Кармеле, Предметы, которые Барбара держит в руках, также и те, которые представляют образ Елизаветы, –это действительно предметы, принадлежавшие Елизавете. Мы поступили так для создания, в некотором роде, большей связи с образом самой Елизаветы, также в моментах показа фотографий. Фильм стал достаточно длинным, но это – следствие выбора цели, которую мы себе поставили. Чтобы сделать более короткий фильм, нужно было бы опустить многие сюжеты и не касаться некоторых тем, весьма принципиальных в жизни Елизаветы. В частности, момент призвания, отношения с матерью, контакт с Иисусом с самых ранних лет жизни, контакт характера отношений Жениха и невесты и супружеского характера. А потом ещё отношения с сёстрами, и особенно открытие обитания Троицы, также и в теоретическом значении – через святого Павла и святого Иоанна Креста. Даже момент смерти, принятой с таким необыкновенным умением сохранить живыми все связи, которые Елизавета имела до её поступления в Кармель, – с друзьями, с самой матерью. Её постоянное и всецелое самопожертвование Богу, её дружеские

и родственные отношения. Я хотел, чтобы этот фильм всё это показал, и надеюсь, что все эти элементы должным образом подчёркнуты. С технической точки зрения фильм был поставлен со значительным использованием фотографий. С помощью соответствующих позиций кинокамеры мы искали элементы, характерные для каждого снимка. Я считаю, что это позволит создать себе общую характеристику, общий портрет Елизаветы, у которой был весьма широкий арсенал фотографий, и он даёт возможность основательного изучения, особенно лица. Поразительна та живость, которая искрится из её глаз. В течение всего монтажа, а также при работе над фотографиями Елизаветы, меня озаряла такая мысль, что глаза – это зеркало души. Я помню этот момент в Евангелии, когда Иисус говорит, что в глазах можно увидеть всё, что есть внутри нас. В Елизавете это необъяснимо правдиво. Думаю, что когда проявляется необыкновенный свет её души, то в её глазах всегда можно прочесть всё, что она переживает внутри. И это привело меня непосредственно к той интерпретации Елизаветы, которую подтверждает подпись на одной из фотографий, сделанной ею перед поступлением в Орден. Это была фотография, которую она раздавала всем тем, кто уже больше никогда не увидит её, и о которой она сказала: **«Я делала это фото с мыслью о моём Возлюбленном, то есть об Иисусе. Помни, что взглянув на это фото, ты увидишь во мне все мысли, которые есть у меня, все чувства, которые я питаю к Иисусу»**. Из этого фотографического поиска очень ясно, (по крайней мере, для меня), следует открытие: что её взгляд всегда обращён куда-то вне, за пределы, то есть на Иисуса, Который находится внутри всего. Это открытие, которое я впервые увидел у Елизаветы после работы над фильмом, утвердилось во мне...

*** ГЛАВА 4: Молитва «О, БОЖЕ МОЙ, ПРЕСВЯТАЯ ТРОИЦА, КОТОРОЙ ПОКЛОНЯЮСЬ...» и самопожертвование в интерпретации отца Конрада Де Меестера OCD**

Отец Конрад Де Меестер: – Это общеизвестное название молитвы блаженной Елизаветы. Это молитва, найденная после её смерти, которая была создана и написана однажды вечером в уединении её кельи. Из смирения она никогда никому её не показывала. Но, как мы видим, это не только красивая молитва – это настоящее самопожертвование. В первой части Елизавета описывает весь свой идеал в отношении к Богу, к Троице. Это совершенное забвение самой себя, чтобы мочь жить исключительно для Бога, для посвящения своей души Богу так, словно на небесах, в *возлюбленной обители Твоей, в месте отдохновения Твоего*. Это место

отдохновения – это Вифания, там, где Иисус отдыхал в доме Марии и Марты. Отсюда и желание постоянно быть рядом с Пресвятой Троицей, в глубине своего сердца, где я *не оставлю Тебя там никогда в одиночестве, но да пребуду там всецело, всецело бодрствуя в вере своей, всецело поклоняясь, всецело преданная Твоему созидающему Действию*. Это её созерцательная мечта, с которой она позже обращается ко Христу. В начале Елизавета обращается к Троице, а теперь – ко Христу: *О, мой возлюбленный Христе, распятый из любви*. В тот ноябрьский вечер 1904 года, в то время, когда Елизавета писала это предложение, несомненно, перед ней было её распятие. Она обращается ко Христу в уединении своей кельи: *я хотела бы быть невестой Твоего Сердца*. Вот так возвращается мысль из её детства, мысль о том, чтобы быть невестой Христа. *Я хотела бы покрыть Тебя славой, хотела бы возлюбить Тебя, ... даже до смерти от любви!* Любить, потому что Бог возлюбил нас; отдать жизнь за жизнь, любовь за любовь, отдать своё существование Христу, пресвятой Троице, Церкви. И тут, по-моему, заканчивается первая часть. Пик молитвы, который в последствии сосредотачивается на Христе. Теперь начинается вторая часть. Елизавета говорит: *Но я чувствую бессилие своё*. Это «но» представляет для Елизаветы препятствие, потому что делает невозможным реализацию её идеала. Она слаба, как и все мы. Поэтому и говорит: *Но я чувствую бессилие своё*. Тут кончается вторая часть. Всего лишь 4-5 слов, которые составляют ключ, ключ, вокруг которого разливается молитва. Краткость этого выражения значима и симптоматична. Зачем надо мучиться своим бессилием, если, говорит Елизавета, у нас внутри есть Спаситель, Который может спасти нас в каждую минуту? И после слов *я чувствую бессилие своё*, которые очень важны, Елизавета тут же находит решение – она обращается к Иисусу: *прошу Тебя, чтобы Ты «облёк меня Самим Собою»*. Просьба к Богу и, в особенности, ко Христу, чтобы Он *отождествил душу мою со всеми движениями Твоей Души*, чтобы Душа Христа, благодаря жизни самого Христа, отождествила с Собою душу Елизаветы, вплоть до затопления, как река. Христос – это река, которая выходит из собственного русла и охватывает собой всю землю. *Чтобы Ты охватил меня, занял моё место*. Елизавета хочет стать рекой, как Христос, океаном, как Бог, потому что *жизнь моя* не существует вне *сияния Твоей жизни*. И после образа воды у нас есть образ солнца, света. Христос – это Солнце. Елизавета знает, что много раз не сумела найти Христа, Он укрывается. Надо искать Его с помощью веры. Но она говорит: *я хочу провести свою жизнь, внимая Тебе, хочу быть полностью открытой и понятливой*, как Мария из Вифании, чтобы *научиться всему от Тебя*. Иисус – её Наставник. Елизавета – му-

зыконт, мистик, святая, слушает Иисуса, Который есть Воплощённое Слово Божие и Слово Бога к нам. Вследствие этого она говорит: *А потом, через все ночи, все пустоты, все немощи, я хочу навсегда запечатлеться в Тебе и пребывать в Твоём великом свете.* Здесь во второй раз мы находим слово «немоощь, бессилие». *Я хочу навсегда запечатлеться в Тебе и пребывать в Твоём великом свете, ... чтобы я никогда больше не смогла выйти из ореола сияния Твоего.* Стало быть, здесь она, в некотором смысле, вновь обретает идеал, который описала в первой части, и продолжает мысль, которая станет самой главной. Чтобы Христос мог завладеть ею, она обращается к Святому Духу и посвящает себя Ему словами: *О, Огонь поядающий, Дух любви, «сойди на меня».* Здесь есть маленький секрет. Елизавета поставила кавычки там, где говорит *«сойди на меня».* Это значит, что она хочет кого-то процитировать, что хочет привести какие-то слова. И что она цитирует? Она цитирует Евангелие от Луки, глава 1, стих 35, когда Ангел говорит Марии *«Дух Святой найдёт, (то есть сойдёт) на Тебя».* Елизавета, не упоминая о Марии, обладает полностью марианским расположением души. Она действительно просит Святого Духа: *«Как Ты снизошёл на Марию, так снизойди, сойди на меня, чтобы в душе моей сотворилось нечто подобное воплощению Слова».* Ты, Воплотившийся в лоне Марии, соверши и в моей душе *нечто подобное воплощению Слова,* мистическому, духовному воплощению. *Чтобы я была для Него (для Христа, для Слова) прибавленным человечеством, в котором Он мог бы обновлять всё Своё Таинство,* где всё моё бытие, всё моё человечество наполнены человечеством Христа, чтобы Он мог жить во мне всей Своей Тайной адорации, искупления, братолюбия. И всё это – к радости Отца, Который сможет *узреть в Елизавете Сына Возлюбленного, в Котором Его благоволение.* _ Итак, мы видим идеал, бессилие и просьбу ко Христу и, в той же самой строфе, есть воззвание и мольба к Святому Духу, чтобы Он сошёл на неё, пришёл в неё, чтобы быть Наставником всей её жизни, чтобы Христос мог жить в ней во всей полноте. Поэтому последняя фраза, последняя, очень красивая часть молитвы, запечатывает, скрепляет основные обязательства Елизаветы. *О, мои Трое, ... предаю себя Вам как добычу.* Именно с этой целью Елизавета написала эту молитву. Эта молитва – не только красивый акт благочестия, но и акт принесения себя в жертву, а значит, в добычу, Святому Духу. Это совершенное самопожертвование. Она приносит себя в жертву, как добычу, но здесь речь идёт не о такой жертве, как жертва животных, нет. Святой Дух не ранит, не разрывает. Святой Дух, – словно Неопалимая Купина, та самая купина, которая горит и не сгорает, как гласит Святое Писание. Елизавета была полностью сожжена

Святым Духом, но не уничтожена. Действие Святого Духа таково, что оно высвобождает в нас наше сокровенное подобие Богу. Значит, Елизавета посвящает себя как жертву этому посядающему Огню, пламени Святого Духа. ***Сокройтесь во мне, дабы я могла сокрыться в Вас.*** Здесь слово «сокройте» использовано, как и в других местах её произведений, в значении «спрятать». ***Сокройтесь во мне, дабы я могла сокрыться в Вас.*** Это ссылка на Послание к Колоссянам, где святой Павел обращается ко всем христианам: ***«жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге»*** (Кол 3, 3.) Наконец, Елизавета завершает: ***в ожидании созерцания в Вашем свете бездны Вашего величия.***

Закончена молитва, но не духовное развитие Елизаветы. Время от времени у меня возникает вопрос: «А действительно ли это ***та*** молитва Елизаветы?» Нет, это ещё не ***её*** молитва. Ещё чего-то не хватает, того, чего она никогда не написала, того, что она написала только собственной жизнью. Чего может не хватать? Елизавета жаждет преображения во Христа. Можно ли желать чего-то большего? Да. Елизавета жаждет преображения в Распятого Христа. Она осмеливается на это, у неё необычайное мужество, она хочет быть. Будучи больной, она говорит: ***«У меня такая дерзкая мечта – быть преображённой в Распятого Иисуса, уподобиться Ему, прежде, нежели я буду преображена в Прославленного Иисуса, уподоблюсь Ему».*** Но она хочет, как и Иисус, на этом последнем этапе своего существования жить для Церкви. Это были почти последние её слова: ***«Используйте всю мою сущность ради Вашей славы и ради Вашей Церкви, во славу Троицы и для Вашей жизни»***, для твоей жизни, для моей жизни, то есть для Церкви.